

Глава 1

Внимание! Это моя первая книга, и я не гарантирую, что она написана по всем правилам. Но мама сказала, что надо рассказать, как все было, так что попробую.

Только сразу предупреждаю: не ждите ни драконов, ни волшебства, ни магии, ни тому подобной всячины, потому что их тут нет, а если предпочитаете сказки, то лучше вообще закройте книжку, потому что никакая это не сказка. Кто знает, может, в один прекрасный день я и напишу какую-нибудь волшебную историю, но не сейчас.

Раньше я вообще не верил в магию, потому что мне самому ни разу не довелось с ней столкнуться. Я считал, что это рассказы для глупых малышей. Когда тети читали нам всякие волшебные сказки или когда их показывали по телевизору, я иногда даже злиться начинал. Ковры-самолеты, удивительные шкафы, которые переносят тебя в таинственные страны, амулеты, при помощи которых можно управлять временем, уродливые создания, исполняющие желания, — ну согласитесь, ведь чушь же полная! Случались, правда, такие моменты, когда хотелось во все это поверить. Особенно когда мне было очень плохо или, наоборот, когда за окнами появлялись зеленые листочки, а ветви большого куста сирени — того, что растет за

складом, — склонялись под тяжестью благоухающих кистей и наступала весна. Тогда я принимался выдумывать всякие небылицы и ловил себя на том, что по дороге в огород высматриваю на краю тропинки волшебную синюю бусину или, сидя в игровой комнате, копаюсь в коробке с карандашами в поисках того самого, единственного. И сам на себя сердился — ну что за глупости?! Разве там, где я живу, можно верить в магию? Рассчитывать на то, что появится удивительный человек с длинной разноцветной бородой и угостит кого-нибудь из нас таблеткой, от которой вырастут волосы, или на подоконник вдруг вспорхнет кролик, который прилетел нас спасти? Такие враки хороши разве что для Крикушки Анеты из группы «Висла» или Сопляка Марека из группы «Буг» — они не очень шустро соображают и часто плачут, причем не только ночью.

Ну, позже-то я убедился, что кое-какая магия на свете все же существует, и способностями к ней обладают многие из нас. Более того, все это не имеет ничего общего с заклинаниями или волшебными палочками! Магию мы носим в себе с рождения, у каждого она своя... Фокус в том, чтобы ее обнаружить, потому что она не всегда видна с первого взгляда.

Я узнал об этом вскоре после того, как меня перевели в «Дубовый лес» — ранней осенью прошлого года, когда мучительное, ужасно длинное и жаркое лето, все никак не желавшее сдаться и отбыть в южные края, каждый вечер сотрясало небо и землю грозами. Именно тогда я познакомился с Сильвией, которая...

Но, наверное, лучше рассказывать по порядку и начать с самого начала. А потому пристегните ремни безопасности, садитесь поудобнее и — поехали! Возвращаемся на год назад!

* * *

Ранняя весна, за складом, у самой помойки, уже расцвела сирень, а я злюсь на себя из-за того, что опять раз мечтался о всяких несбыточных вещах, вот, например, что...

— Михал, к тебе гость! — Тетя Йола улыбается, я, уронив цветные карандаши на пол, вскакиваю со стула, несусь к двери, выбегаю в коридор и мчусь на всех парах, аж ветер в ушах свистит. Бегу мимо столовой, после столика главного дежурного сворачиваю и оказываюсь в гостевой комнате, где еще никогда не был, ну, во всяком случае, с гостями, то есть с той целью, для которой ее придумали. Чтобы с кем-нибудь встретиться. Итак — я вбегаю в гостевую комнату... Застекленная дверь хлопает о стену, солнечный луч ложится золотой полосой на серо-зеленый линолеум, а сидевшая в кресле незнакомая женщина при виде меня встает и спрашивает...

— Что это такое?

Я отвожу глаза от легонько колышущихся на ветру зеленых листочков акации, что растет за окном игровой комнаты, и поднимаю на тетю Йолу отсутствующий взгляд. Она склоняется над листком бумаги, который лежит передо мной, и рассматривает рисунок.

— Чего?

— Не чего, а что, — поправляет тетя. — Я спрашиваю про твой рисунок.

— А, рисунок... — бормочу я и тоже принимаюсь его разглядывать.

Вышло так себе, потому что черный карандаш почти сразу сломался. Черные карандаши у нас всегда ломаются первыми.

Половина рисунка закрашена одним цветом. Это неправильно, фон нужно закрашивать в конце.

— Кассиопея, — отвечаю я.

— Кассиопея? — повторяет за мной тетя Йола и берет рисунок. — А, из того фильма, да? «Москва-Кассиопея»?

— Нет, — качаю я головой. — Это созвездие.

О фильме я совсем забыл — мы посмотрели его неделю назад, ходили в кинотеатр «Единство» на улице Повстанцев, на утренний сеанс. Фильм очень классный, хотя советский, — я советское кино не очень-то люблю, потому что в нем плохие цвета. Плохие — в смысле ненастоящие... хотя если бы меня попросили объяснить, что я имею в виду, я бы не знал, что ответить. Но это как раз не новость, потому что я вообще не в состоянии ничего объяснить как следует, а уж тем более собственные мысли. Короче, в этом фильме человечество получает сигнал от другой цивилизации и запускает в космос ракету с детьми — им-то и предстоит встретиться с представителями этой самой чужой цивилизации, обитателями созвездия Кассиопеи.

Фильм, как я уже сказал, классный, но, по-моему, маловероятный — во-первых, из-за этих приторных цветов, во-вторых, потому что в межпланетное путешествие отправили детей. Я не верю, что группа

ребят в состоянии управлять космическим кораблем! Кто им разрешит? Детям ведь ничего не разрешают.

— Созвездие... — вздыхает тетя Йола и кладет рисунок на стол. — Ты должен был нарисовать своих близких.

— Я и рисую! Они там. В созвездии Кассиопеи. Они там живут! Там очень много места, потому что в этом созвездии больше ста звезд, — заявляю я.

— А ты помнишь, что я вам говорила о вранье?

— Я не вру! — кричу я. — Этих звезд правда больше ста! Я в энциклопедии прочитал!

— Не кричи.

— Я не к-к-кричу!!! — Я вцепляюсь пальцами в край стола и вдавливаю ногти в мягкую сосновую древесину.

Тетя Йола придвигает стул и садится рядом со мной. Стульчик маленький, детский, а тетя Йола очень большая и толстая, так что выглядит это забавно. Я ужасно злюсь, но все равно не могу сдержать улыбку.

Тетя Йола — самый толстый человек из всех, кого я встречал за всю свою жизнь. Даже считая тех людей, которых видел в кино и по телевизору. Она просто ужасно толстая! Наверное, толще ее нет на всем земном шаре. Это первая тетя, которую я так люблю, потому что чувствую, что она меня тоже любит. Правда любит — не притворяется и не из жалости. Так что я очень для нее стараюсь, и, говорят, делаю очень большие успехи, что само по себе здорово. Например, я уже почти не заикаюсь. Говорю тише, медленнее и редко кричу, хотя приходится прилагать жуткие усилия.

Раньше я часто кричал — конечно, не так, как Кришка Анета, но все равно часто. И заикался, потому

что говорил слишком быстро. Но причина не в том, что у меня что-то не в порядке с голосом. Просто, когда наконец удавалось заставить окружающих меня выслушать, я начинал торопиться, чтобы успеть сказать все, что собирался. Мне не хватало воздуха, а слова застревали в горле или убегали из памяти. Некоторое время ко мне даже ходил логопед, это такой специальный врач, который лечит речь, но от этих занятий получалось только хуже, потому что меня ужасно раздражали упражнения, которые он заставлял меня делать. Например, велел без конца повторять какие-то idiotские стишки или бессмысленные слова. А еще — втягивать воздух легкими, а не животом. По-моему, какая-то глупость, ведь человек не втягивает воздух животом, иначе бы он все время икал — как после газировки.

Тетя Йола не говорит мне, чтобы я не втягивал воздух животом. Она всегда умеет меня рассмешить. Ее интересует, что мне снилось, о чем я думаю, что люблю. Даже если я начинаю немного заикаться, она совершенно не раздражается и не пытается договаривать за меня слова — я это терпеть не могу! Улыбается и ждет, пока я сам закончу. Для тети Йола это важно, я чувствую. Поэтому и для меня это стало важно. Я хочу, чтобы она была мной довольна.

— Когда я попросила нарисовать самых близких для тебя людей, я имела в виду портрет тех, кто тебе дорог. Настоящих людей, а не придуманных, — объясняет тетя Йола.

— Я понял, — отвечаю я, изо всех сил стараясь не повышать голос. — Но я имел в виду другое.

— Что же?

Я открываю рот, но тут же закрываю. Чувствую, что снова начинаю волноваться. Вот всегда так, всегда! У меня в голове все есть, я все понимаю, но, когда пытаюсь объяснить, нужные слова куда-то деваются.

А ведь я знаю миллион слов! Куда же они деваются в такие моменты? Я краснею и молчу или начинаю заикаться. Из-за этого некоторые ребята думали раньше, что я — «чокнутый».

Я что хотел сказать? Что прекрасно знаю, зачем нужны эти рисунки! Можно подумать, мало мы рисовали всякой всячины, когда приходили психологи со своими тестами. Да сто тысяч раз! При желании я мог бы нарисовать такой рисунок на пять с плюсом, поскольку уже отлично разбираюсь, что нужно, чтобы получить высокий балл. Надо нарисовать сначала себя, потом тетю Йолу. Еще на рисунке должны быть Невалышка, тетя Директор и желательно еще кто-нибудь из взрослых, например дядя Бухгалтер, которого, впрочем, я и в самом деле люблю. Все мы должны держаться за руки и широко улыбаться, цвета должны быть веселыми, небо — синим. И еще надо нарисовать наш «Молодой лес», какие-нибудь деревья и солнце. Психолог посмотрел бы на этот рисунок, поулыбался, покивал головой, а потом сделал бы в моем личном деле пометку, что я суперадаптированный, суперуравновешенный и супернормальный ребенок — ну почти как из обычной семьи!

Так что, если бы пришел психолог или врач, я бы и нарисовал такой рисунок — чтобы от меня отстали. Но для тети Йолы я хотел нарисовать что-то настоящее, что-то действительно от всего сердца. Конечно,

моя семья не живет в созвездии Кассиопеи! Потому что нет у меня никакой семьи, я это отлично знаю. Но почему я не могу думать, что они там? Ведь я не убегу и не полечу к ним, потому что у меня нет ракеты, — впрочем, пока вообще еще не изобрели космический корабль, на котором можно улететь так далеко!

Этим рисунком я хотел показать, что для меня по-настоящему важно. Звезды! Может, у меня и нет никаких родных, ни одного своего человека, но ведь звезды принадлежат всем и каждому! Я отлично разбираюсь в звездах, прочитал о них кучу книг, некоторые очень сложные, совсем взрослые! Я уже различаю многие созвездия, даже могу отыскать их на небе! Я бы все отдал за настоящий телескоп и возможность смотреть через него на ночное небо...

Нужно было вначале телескоп нарисовать! Тогда бы тетя Йола скорее поняла, что я имел в виду!

— Пять часов, — говорит тетя Йола. — Уроков много задали?

Я качаю головой — мол, нет, не много, завтра ведь свободная суббота и в школу идти не нужно. На понедельник что-то задали, но до него еще два дня. Я люблю, когда суббота — выходной, и очень обрадовался, когда узнал, что скоро все субботы будут такими — по телевизору передавали, что с начала следующего года. Пока что у взрослых и школьников свободна каждая вторая суббота.

— Ну, тогда я больше не буду тебя мучить, — заявляет тетя Йола. — До ужина можешь делать что хочешь.

* * *

Меня зовут Михал, фамилия Шимчик. Я родился 10 февраля 1971 года в Катовице. Мою маму звали Зузанна, а папу — Михал, так же, как меня. Но я их не помню, потому что оба погибли в аварии, когда ехали на автобусе в Бытом — посмотреть новую квартиру, которую им дали. То есть которую нам дали, я ведь тоже должен был там жить.

Моя мама была медсестрой и работала в больнице, а папа работал в шахте, но не шахтером, а в администрации — все это записано в моем личном деле, я знаю, потому что иногда прихожу к тете Директору и прошу мне его показать. Она почти всегда разрешает, если только не очень занята. Я уже на память выучил все, что там написано, и у меня есть целых семь фотографий моих родителей и три — бабушкиных, а еще восемь снимков разных людей, о которых я не знаю точно, кто они такие, но очень может быть, что это тоже мои родственники. Я храню эти фотографии в сером конверте, который лежит на моей полке на складе, чтобы ребята не испортили.

Здесь, в «Молодом лесу» в Семяновице-Слёнске, я живу уже почти четыре года. Раньше я жил в доме малютки в Рыбнике, а до этого — у бабушки, но я то время не помню. Моя бабушка заболела и умерла, когда мне было три года, потому что она была очень-очень старенькая. Ей был восемьдесят один год, она родилась еще в девятнадцатом веке! Оказалось, что меня некому взять, так что я попал в дом малютки, где было очень плохо, но терпимо. Когда мне должно было исполниться семь лет, меня перевели сюда — таких

больших детей в Рыбнике не держат. Здесь мне тоже было плохо, ну, во всяком случае сначала. Где-то с год, пока в «Молодой лес» не пришла работать тетя Йола, а в моей группе, которая называется «Сан», не появился Невалышка. Теперь у меня тут жизнь вполне сносная, во всяком случае обычно.

Детский дом «Молодой лес» очень отличается от дома малютки в Рыбнике, поэтому сначала мне пришлось нелегко. В Рыбнике гораздо меньше ребят, чем здесь, и это было лучше.

Там мы целый день играли в большой комнате или в саду, и я ходил в детский сад. Будили нас в семь, а не в шесть, как здесь, все дети хорошо знали друг друга — кроме новеньких, конечно, но с ними мы тоже быстро знакомились. Мой номер был двенадцать, он был вышит на всей моей одежде, на полотенце и даже написан на ботинках — изнутри, под язычком. В коридоре шкафчик с номером двенадцать — склада в Рыбнике не было, — а ключ от этого шкафчика хранился у тети Директора. Вообще номера в Рыбнике были важнее всего — даже важнее имен или фамилий, потому что мы были слишком маленькими, чтобы читать буквы, а номер легко выучить. Иногда из-за этих номеров случались всякие смешные недоразумения.

Например, как-то на прогулке одна девочка — восьмерка — увидела дом номер восемь. Мы в тот день шли вместе с тетей, семьей. Мне гораздо больше нравилось гулять семьей, чем парами, потому что люди тогда не сразу догадываются, что мы из детского дома. Идти семьей — значит идти группой, но не держась за руки, а как кто хочет — главное, чтобы за тетей.

Ну так вот, мы шли семьей, человек пятнадцать, и вдруг эта девочка увидела дом со своим номером. Она была младше меня, но ненамного. Сначала она замерла, а потом перебежала через улицу, открыла калитку и начала стучать в дверь. Колотила кулаками и кричала всякие глупости, потому что решила, что раз у нас все, на чем вышита или написана восьмерка, принадлежит ей, то и этот дом — тоже, и там наверняка живет ее мама. Получился скандал, тетя распереживалась, а мы принялись бегать вокруг и орать как сумасшедшие.

Тогда из этого дома вышла какая-то женщина — она вообще не понимала, что происходит, а та девочка схватила ее за руку и не хотела отпускать. Тетя кричит, мы тоже кричим и вообще жуткий переполох, потому что соседи этой женщины тоже все повыходили на улицу — воскресенье же, так что народ сидел по домам и смотрел телевизор или разгадывал кроссворды. Наконец все утихомирились, тетя все объяснила, и люди разошлись. Женщина ушла в свой дом под номером восемь, а девочка под номером восемь ужасно плакала, но больше не скандалила. В наказание мы возвращались домой парами и ходили так на прогулки целую неделю, что, с моей точки зрения, было очень несправедливо. Но самое замечательное то, что через несколько дней эта незнакомая женщина из дома номер восемь пришла к нам в гости, чтобы увидеться с девочкой номер восемь — не помню, как ее звали. Потом она приходила еще и еще, и наконец забрала эту девочку на каникулы и стала ее тетей! Такие чужие тети и дяди — не из детского дома — называются гостевой семьей, и их можно навещать, проводить с ними праздники и ка-

никулы — если, конечно, те сами пригласят, потому что по своему желанию к ним ходить не полагается. Ну, теоретически они даже могут стать приемной семьей, если ребенка можно усыновить или удочерить и удастся оформить все документы. Ту девочку удочерить было нельзя, потому что у нее имелся собственный папа, который, правда, сидел в тюрьме и не мог даже приехать в гости, но ни за что не соглашался, чтобы дочку забрала какая-нибудь другая семья.

Я сначала очень боялся, что меня кто-нибудь усыновит, — ведь никаких родственников у меня нет, так что теоретически это возможно. Но оказалось, что я уже слишком большой — с такими детьми, которым почти четыре года, как мне было тогда, мало кто хочет связываться, особенно с мальчишками. Когда я узнал, что слишком взрослый для усыновления, то испугался и пожалел — у меня так часто бывает. Например, сначала все утро думаю: «Ой, только бы на обед не селедка с картошкой, ой, только бы на обед не селедка...» — а когда мы наконец идем в столовую и оказывается, что на обед вовсе никакая не селедка, мне вдруг становится жалко. Вы понимаете, почему так? Я — нет.

Одно время у меня был такой дядя, он шесть раз сводил меня в кино, два раза брал к себе домой на Пасху и четыре раза — на прогулку, причем один раз очень далекую. Пришлось даже на автобусе ехать! Собственно, это была не обычная прогулка — мы поехали в лес за грибами, но ни одного не нашли, в смысле — хорошего. Попадались только несъедобные, про которые дядя сказал, что это заячья картошка, и не разрешил их собирать.

Мне дядя нравился, он научил меня играть в шашки и был не очень разговорчивым, так же, как я тогда. Дядя носил красный свитер с горлом, борода у него была растрепанная, а сам он — очень высокий и очень серьезный, хотя, если его по-настоящему рассмешить, он очень громко смеялся и долго не мог остановиться. Один раз я его сам случайно рассмешил, как раз когда мы ехали в лес за грибами. Когда мы сели в автобус, дядя дал мне бумажный пакет с конфетами, но они быстро закончились. Ехать было интересно, но я все равно заскучал и стал этот пакет надувать. В конце концов он лопнул. Я даже не ожидал, что получится такой хлопок, прямо как пушечный залп! Мне кажется, за всю историю человечества ни один пакет так громко не лопался. В общем, раздался хлопок, и сидевшая передо мной женщина в платке вскочила со своего места и ужасно закричала — вопль был пронзительный и короткий, словно кто-то внезапно бросил ее в ледяное озеро. Я ужасно испугался, дядя сначала вытаращил глаза, а потом захохотал — от всего сердца и очень громко. Он все смеялся и смеялся и никак не мог перестать. Я, посмотрев на него, тоже стал смеяться, и другие люди в автобусе — тоже, кроме той женщины, которая очень на меня разозлилась из-за этого лопнувшего пакета. Потом, когда мы уже приехали на место и бродили по лесу в поисках грибов, дядя время от времени вспоминал женщину из автобуса и опять начинал громко смеяться. Но потом он получил работу в Перемышле, и ему пришлось уехать из Рыбника.

Он прислал мне восемнадцать почтовых открыток и два письма, правда коротких. Я тоже ему писал, то

есть диктовал тете, а она записывала и отсылала мои открытки — я их сам выбирал в киоске. Этого дядю звали Фридерик, точно так же, как Шопена. Я считаю, что это очень оригинально, и жалел, что у меня другое имя. Я даже спросил тетю Директора, нельзя ли мне его поменять и стать вместо Михала Фридериком, но она сказала, что это так просто не делается, только через суд, как усыновление. И добавила, что ведь имя для меня выбрали родители, так что это подарок от них на всю жизнь, и я должен ему радоваться. Я подумал и решил, что она права. С тех пор я люблю свое имя.

В наш детский дом в Рыбнике довольно часто приходили разные взрослые люди, которые хотели стать гостевой тетей или гостевым дядей или навсегда кого-нибудь усыновить или удочерить. Они усаживались в кресло в гостевой комнате, а тетя звала какого-нибудь ребенка, который, с ее точки зрения, этим людям подходил, или приводила сразу нескольких, чтобы те сами выбрали — кто им понравится. Гостевую комнату в доме малютки в Рыбнике я знал хорошо, потому что меня туда часто приводили. Сначала я боялся этих встреч, но позже — когда уже привык и стал забывать бабушку, у которой жил раньше, — мне тоже захотелось иметь гостевую тетю или гостевого дядю. Но чем больше мне хотелось, тем хуже все получалось. Я ужасно краснел, сидел словно аршин проглотил и был не в силах выдать из себя ни слова — даже улыбнуться заставить себя не мог. Лицо у меня делалось как будто железное! Другие дети умели быть веселыми, ластиться к взрослым, много болтали и обнимали их — я никак не понимал, почему у меня не выходит! Только тот

дядя Фридерик меня взял, а потом уже больше никто не хотел. Одна женщина пыталась со мной поговорить, но я так разволновался, что у меня даже слезы на глаза навернулись и я не смог произнести ни слова. Позже та женщина сказала тете Воспитательнице, что я «наверное, отсталый». Она говорила тихо, но я стоял рядом и услышал. Потом я уже сам отказывался ходить в гостевую комнату.

* * *

Ну вот, а теперь я вам немного расскажу о нашем детском доме — чтобы вы могли себе его представить. «Молодой лес» огромный, и построили его совсем недавно. Я теперь сообразил, что легче всего понять, старый дом или новый, по крыше или по потолку. В старых домах крыши покатые, а в новых — совсем плоские, и потолки в старых домах очень высоко, а в новых — низко. Может, это потому, что раньше люди были гораздо выше, чем теперь? Надо проверить в энциклопедии.

Но вернемся к нашему рассказу... «Молодой лес» большой, в нем целых шесть этажей! На воротах висит красная табличка с белой надписью: «Государственный детский дом „Молодой лес“». Мне эта табличка совсем не нравится, я считаю, что, если бы ее сняли, было бы гораздо лучше. Тогда прохожие не сразу бы понимали, что это детский дом, и не смотрели бы на нас из-за забора с ТАКИМ выражением лица. ТАКОЕ выражение — это когда на лице появляются одновременно жалость и чуть-чуть отвращения, — мне самому становится нехорошо, когда я вижу у кого-нибудь ТАКОЕ выражение! Я уже шесть раз бросал в специальный ящик для

идей, который висит в галерее, записку с предложением снять табличку при входе, и знаю (потому что этот вопрос очень часто поднимают на линейке), что многие другие ребята тоже это предлагали, и не раз.

В «Молодом лесу» живут семьдесят детей! Ужасно много, правда? Самым младшим — три года, а старшим — за двадцать. Этих, самых старших, называют уже тетями и дядями.

Кроме детей, в «Молодом лесу» есть еще множество действительно взрослых тетей и дядей, которые тут работают, — я здесь уже почти три года, но, пожалуй, не всех хорошо знаю. Знаю тетю Директора, которая нами руководит. Дядю Бухгалтера и двух тетей Бухгалтерш, которые сидят с ним в одной комнате. Тетей и дядей Воспитателей — их очень много. Тетю Доктора, двух тетей Медсестер, тетю Гигиенистку, тетю Кухарку, тетей Уборщиц, дядю Вахтера... Уф, их столько, что я, пожалуй, больше не буду перечислять, а то это займет целую страницу!

Лучше я напишу о тех, кого люблю: конечно, на первом месте тетя Йола, воспитательница нашей группы. У нас есть вторая воспитательница, тетя Матильда, но она так себе, не классная. Тетя Матильда обычно дежурит с нами ночью.

Я люблю дядю Радослава, который занимается бухгалтерией, то есть считает, сколько что стоит (всегда получается слишком дорого), сколько потрачено денег (всегда получается слишком много), и который приносит нам карманные деньги на неделю (всегда получается слишком мало) в рабочие субботы или в пятницу, если суббота выходная.

Я люблю тетю Янину, кухарку, потому что она всегда старается, чтобы мне досталась целая картофелина с края котла, а не раздавленная из середины — я такие не очень люблю.

Люблю тетю Стоматолога, хотя не люблю лечить зубы (очень не люблю!).

Люблю дядю Вахтера, который убирает двор и ухаживает за огородом... И конечно, люблю еще тетю Илону, воспитательницу двух старших групп — «Одра» и «Дунаец». Но тетю Илону любят все. Она у нас знаменитость, потому что летала на самолете, два раза была в Швеции, а еще у нее много заграничных вещей из валютного магазина на улице Повстанцев, то есть таких, которые можно купить только за доллары. Тетя Илона одевается очень ярко, носит длинную джинсовую юбку и футболку с надписью «АББА» — это очень известная музыкальная группа.

Видите, сколько у нас взрослых, которых я люблю! Я и сам не подозревал!

Вообще взрослых, которые работают в «Молодом лесу», можно разделить на три группы: «чувствительные», «холодные» и «нормальные».

«Чувствительные» тети и дяди мне не очень нравятся, потому что с ними много сложностей. «Чувствительная» тетя с одними слишком дружит, а к другим относится прохладно, поэтому ребята из-за нее ссорятся и дерутся. У «чувствительной» тети часто глаза на мокром месте, так что многие из нас тоже принимают хлюпать носом и психовать. «Чувствительная» тетя может ни с того ни с сего тебя обнять, а потом вдруг, наоборот, сделаться ужасно строгой.

Мне всегда казалось, что такие «чувствительные» тети многое делают из жалости, а не от доброты, так что я их не особо люблю. Правда, от «чувствительной» тети иногда может быть польза, потому что, если ты у нее любимчик, она может помочь избежать наказания, когда что-нибудь натворишь, угостит вкусеньким или что-то подарит, а может случиться — даже возьмет домой на воскресенье или на праздники.

«Холодные» тети и дяди — противоположность «чувствительным». Они никогда не смотрят в глаза, редко к тебе прикасаются и обращаются, только если без этого нельзя обойтись и только если нужно сказать, что делать полагается, а что — нет. «Холодных» не следует ни о чем расспрашивать и уж точно не стоит к ним бежать, если тебе приспичило поплакать или вообще грустно, потому что потом пожалеешь и будет еще хуже. Но вообще-то «холодные» — не такие уж плохие, потому что всегда известно, чего от них ждать, и, если вести себя правильно, никаких хлопот от них не будет.

И наконец, третья категория — «нормальные» тети и дяди. Эти — лучше всех. Они помнят, как тебя зовут. Если тебе плохо, умеют поговорить об этом и объяснить разные вещи. Если нужно наказать — накажут по справедливости и забудут, а если тебя действительно обидели — накажут обидчика. «Нормальная» тетя может обнять, смотрит тебе в глаза, а если ты нарушил правила — например, встал ночью и подошел к ней, — сначала разберется, в чем дело, и, если причина действительно серьезная, крик поднимать не будет.

Разумеется, больше всего мы любим «нормальных» — к сожалению, такие у нас не задерживаются, потому что им часто предлагают работу получше, в других детских домах, где они становятся директорами или завучами.

Тетя Йола — «нормальная», так что я очень боюсь, как бы ей тоже не предложили работу, и изо всех сил держу кулаки, чтобы такого не случилось — хорошо бы вообще никогда-никогда. Я очень рад, что она такая страшно толстая, потому что в общем толстых не очень любят, так что, может, из-за этого никто не захочет предложить ей работу повыгоднее. Когда я получаю свою порцию конфет или сам покупаю их в магазине на карманные деньги, то всегда даю тете Йоле одну или две, чтобы она случайно не похудела.

Теперь расскажу немного о нас, то есть о детях из «Молодого леса». Мы разделены на группы, и каждая группа носит имя одной из польских рек. Я предлагал назвать наши группы именами созвездий, но за мою идею, к сожалению, проголосовало меньшинство, и ее не приняли. В каждой группе около десяти детей — в зависимости от размера спальни, потому что вся группа спит в одной комнате.

В «Сане» нас восемь человек, потому что спальня у нас маленькая. Обычно в группе все ровесники, разве что нужно сделать так, чтобы в одну группу попали братья или сестры — тогда, конечно, кто-то будет отличаться по возрасту. В «Сане» у нас восемь мальчиков, все мы одногодки, за исключением Неваляшки, о котором я еще расскажу. Кроме нас с ним в группе «Сан»: Мирек, Шимек, Ежи, Куба, Мариуш

и Зенек. Я перечисляю в том порядке, в каком с ними дружу.

Дети из одной группы вместе дежурят — например, убирают или помогают на кухне. Еще у нас есть своя грядка в огороде — на ней стоит табличка «Сан». На первомайских демонстрациях мы тоже идем вместе: одна колонна — одна группа. Я люблю первомайские демонстрации, потому что на них бывает очень весело. В прошлом году тетя Матильда дала нам большие яркие цветы из соломы и велела ими махать, но цветы быстро рассыпались, потому что мы начали ими драться.

Детдомовцы (то есть мы) делятся не только на группы, но и на всякие подгруппы — к примеру, «класные», «нормальные», «переростки», «хулиганы» и «чокнутые». Изредка встречается также тип, наихудший из всех, — «доставалы», которые способны по-настоящему отравить кому-нибудь жизнь и здорово измучить. К счастью, это продолжается не очень долго, рано или поздно тети и дяди замечают, что происходит, и тогда «доставалу» переводят на ресоциализацию в специальный центр, о котором мы мало что знаем — только то, что это место страшное и никому не хочется туда попасть. Я не знаю никого, кто бы вернулся из такого центра обратно в «Молодой лес».

Если тебя не переведут в следующий класс два раза подряд, ты становишься «переростком». Большинство «переростков» — это одновременно «хулиганы» или «чокнутые».

«Нормальный» детдомовец — это такой, который ничем особенно не отличается от других — ни в лучшую сторону, ни в худшую. Учится сносно, экзамены сдает,

дерется не слишком часто, не ворует и не доставляет неприятностей тетям. Я «нормальный», хотя чуть было не стал «чокнутым» из-за этого моего заикания и запинания.

«Классные» детдомовцы — особенные. Они обычно хорошо учатся, хотя дело не в этом, главное — «классные» помогают другим. Завяжут шнурки, если у тебя с этим проблемы, одолжат карандаш, если кто-нибудь свистнул твой, поговорят, если тебе плохо. У «классных» все получается, причем отлично. Занятия с тетей Яниной на кухне, в столярной мастерской или ателье: приготовленные ими блинчики — всегда самые вкусные, сколоченные ими скворечники — аккуратные и крепкие, сшитые ими мешки для сменки можно без стыда носить в школу. «Классных» все любят, их часто назначают старшими дежурными и выдвигают на всякие должности. Я бы не смог быть «классным», даже если бы очень захотел, потому что мне кажется, что это ужасно утомительно! Так что я еще больше ими восхищаюсь.

Теперь «чокнутые», то есть те из нас, кто плохо говорит и плохо сообщает. «Чокнутых» немало, но и не слишком много, потому что самых плохих, самых безнадежных переводят в специальные детские дома. «Чокнутые» ходят в специальные школы или учатся по специальной программе. Многие из них писают ночью в постель, спят, сунув палец в рот, и раскачиваются перед тем, как заснуть. Некоторых легко вывести из себя, они портят вещи или постоянно плачут. Крикушка Анета, которую я уже упоминал, — конечно, из «чокнутых»: если она вообще подает голос, то говорит

громко и невнятно. Неваляшка из нашей группы — тоже «чокнутый». Но он, хоть и «чокнутый», все равно очень классный.

Так что теперь слушайте про Неваляшку.

На самом деле Неваляшку зовут Себастьян, и он младше меня на полтора года. Он приехал к нам почти три года назад, и я мало знаю о том, как он жил раньше, потому что он не хочет об этом рассказывать. Неваляшка говорит очень мало, можно сказать, почти не говорит. Сначала он мне не очень нравился — ну а кто вообще любит «чокнутых»? Я пригляделся к нему повнимательнее, когда он перестал разводить нюни, — всего недели полторы прошло после приезда. Обычно новенькие рыдают около двух недель, пока не привыкнут. Потом они плачут уже только по ночам, но по ночам каждому иногда случается поплакать, верно? Должен вам заметить, что плач вообще-то мало что дает. Конечно, поначалу твои слезы могут кого-то тронуть, но, если это продолжается слишком долго, получается только хуже. Тети и дяди начнут раздражаться, а ребята (особенно «хулиганы») сочтут слабаком. А слабаков обижают, так что это замкнутый круг: ты плачешь, поэтому тебя обижают, потом плачешь, потому что тебя обидели, в результате тебя обижают все больше и больше, и плачешь ты тоже все больше и больше. Если уж так все закрутилось, ничего не поделаешь — в конце концов тебя просто переведут в другой детский дом, а там ведь может оказаться еще хуже. Так что, скажу я вам, лучше стиснуть зубы и дожидаться, пока погасят свет. Неваляшке, хоть он сообщает и не очень шустро, хватило ума вовремя сориентироваться,

как тут все устроено, и перестать хлюпать носом днем. Тогда я впервые подумал, что он, может, и ничего себе пацан. А почему Невалешка стал Невалешкой? Ну естественно, потому что он раскачивается. Это называется сиротская болезнь. Нам объяснили, почему дети ею болеют, но довольно путано, я потом сам догадался. Когда ребенок еще совсем маленький, мама носит его на руках и укачивает — я видел это по телевизору и на улице тоже. Так что, если у ребенка нет мамы или она про него забывает, он пытается сам себя укачивать. Но ведь сам себя ребенок не укачает так же хорошо, как это могла бы сделать мама! Поэтому он все раскачивается и раскачивается, даже если уже не младенец.

Мне очень повезло, что я попал в детский дом, когда мне было целых три года! Потому что меня успели укачать — сначала мама, а потом бабушка. И я избежал сиротской болезни, чему очень рад, ведь ничего хорошего в ней нет.

Невалешка раскачивается почти постоянно. Даже в комнате отдыха, когда сидит с кубиками или своим обожаемым комиксом о Титусе, Ромеке и Атомеке — все равно раскачивается туда-сюда. Хуже всего, конечно, когда он раскачивается в кровати, перед тем как заснуть, — когда он к нам приехал, никто в «Сане» не мог спать, потому что пружины жутко скрипели. К счастью, тетя Завхоз, которая отвечает за наши вещи, раздобыла специальный матрас из поролона, так что теперь Невалешка нам уже не мешает и может спокойно раскачиваться, раз он без этого не может.

Невалешка спит, сунув палец в рот, хуже того — ему случается описаться во сне, а тетя Матильда

этого просто не выносит! Она всегда ужасно злится, если обнаруживает, что кто-то из ее воспитанников написал в постель. Передать вам не могу, что тогда начинается! В спальне тут же включают свет, все должны встать, а виновник — в наказание — сам относит свою мокрую простыню в подвал, в прачечную и бросает в специальный бак. Никому не нравится ходить одному в подвал, а уж тем более ночью, потому что там наверняка водятся привидения. Другие воспитатели так не скандалят, это одна из причин, по которой я не очень-то люблю тетю Матильду. Невалешка уже два раза оскандалился и после этого сделался ужасно нервным, а чем больше человек нервничает, тем больше вероятность, что он описается ночью, верно? Так что Невалешка теперь то и дело просыпается и проверяет, не мокрая ли постель. Я иногда долго не засыпаю, и вижу, что с ним происходит. Разумеется, однажды ночью Невалешка снова нащупал под собой мокрую простыню. Сначала он расплакался, но очень тихо — я бы точно не проснулся, если бы спал, но я как раз не спал. Потом вытер нос, встал, отбросил одеяло и снял простыню с матраса, на котором у него лежит специальная клеенка, чтобы поролон не промок, если случится авария. Я потихоньку наблюдал, потому что мне было интересно, что он станет делать. Сначала Невалешка свернул эту мокрую простыню в комок и закинул под кровать. Лег и накрылся одеялом, хотя оно наверняка тоже немного промокло. Потом встал, вытащил из-под кровати простыню, тяжело вздохнул и пошел к двери. Остановился, громко подышал, потом реши-

тельно взялся за ручку и нажал. Невалюшка решил спуститься в подвал! В темноте, посреди ночи! А я бы смог? Вряд ли. Да точно нет.

— Себастьян, — прошептал я, а Невалюшка подпрыгнул, словно его ударило током, и, конечно, расплакался еще сильнее, к счастью по-прежнему тихо.

Я встал и на цыпочках подошел к нему.

— Не реви, — шепнул я. — Засунь эту тряпку под кровать и спи. Завтра отнесем. Понял?

Невалюшка немного подумал, шмыгнув носом и покачал головой.

— Я должен пойти в пйацесную, — тихо заявил он.

Невалюшка не выговаривает «ж» и «ш», и вообще речь у него забавная — наверное, поэтому он предпочитает молчать. Он тяжело вздохнул и снова потянулся к дверной ручке, а я разозлился и восхитился одновременно. Не хватало еще наткнуться на тетю Матильду! Тогда она устроит скандал похлеще, чем если бы обнаружила описанную кровать! Нам не разрешается одним выходить ночью из спальни, а если кому-то уж очень приспичит, нужно сначала зайти к воспитателям в дежурку и только потом бежать в уборную. Этот запрет в нашем детском доме — один из главных, и его нарушение грозит наказанием не только виновнику, но и всей группе. Что мне было делать? Я пошел вместе с ним в этот подвал, где мы даже зажечь свет не могли, чтобы нас случайно не застукали. Честное слово, я от страха сам чуть не описался. Невалюшка бросил простыню в бак, и нам каким-то чудом удалось целыми и невредимыми вернуться в спальню. Когда мы топали босиком по ледяным ступеням на наш третий этаж,

Невалюшка взял меня за руку, и я почувствовал, что люблю его. Меня это не слишком порадовало, но что тут поделаешь? Если уж ты кого-нибудь полюбил, не получится просто взять и разлюбить — разве что этот человек тебе гадость какую-нибудь сделает. А на какую гадость способен Невалюшка? Мозгов не хватит. Так что раз уж мне суждено было полюбить Невалюшку, я стал его слегка опекать. Мне удалось пронести в спальню из сушилки две запасных простыни, и теперь Невалюшка знает, что, если снова произойдет авария, надо меня потихоньку разбудить. Мы вместе поменяем простыню, мокрую спрячем в полиэтиленовый мешок, который я специально держу в своей тумбочке, а на следующий день я уж позабочусь о том, чтобы простыня оказалась в прачечной.

Но знаете что? После той ночи Невалюшка оскандалился только один-единственный раз! И мне кажется, что в последнее время он стал меньше раскачиваться, чем когда только приехал к нам. Тетя Йола сказала, что Невалюшка делает большие успехи и что это моя заслуга. Я не очень с этим согласен — ну что я такого сделал? Ничего особенного! Иногда помогаю ему причесаться, иногда мы вместе работаем в огороде, потому что поначалу Невалюшка без конца выкапывал то, что посадил, чтобы проверить, не выросли ли у растений корни, — теперь-то он более терпелив. Я вожу его к тете Медсестре, если он поранится (Невалюшка рассеянный, поэтому, к сожалению, часто падает). Время от времени читаю вслух его любимый комикс о Титусе, потому что сам он читает плохо, — Невалюшке очень нравятся картинки, и он ужасно удивился, когда я ему

сказал, что в книге есть еще и слова. Вот и все мои заслуги — кот заплакал.

Ну ладно, хватит уже о «чокнутых». Теперь «хулиганы»... Хотя про них-то догадаться несложно. «Хулиганы» выходят за пределы территории «Молодого леса» без разрешения, а из школы (если вообще там бывают!) возвращаются ужасно долго. Они постоянно дерутся, пристают к младшим. Часто воруют или портят вещи и то и дело придумывают какие-нибудь идиотские штуки, которые чреватые большими неприятностями. А иногда просто шkodничают — например, дохлую крысу кому-нибудь в постель подкинут или рукава рубашки хитроумным узлом завяжут. Но случаются и вполне классные «хулиганы»: по отношению к другим детдомовцам они ведут себя нормально, а если уж с кем-нибудь дерутся, то разве что с одноклассниками — теми, что из обычных семей.

В «Сане» есть один классный «хулиган». Его зовут Мирек, он моего возраста, но крупнее и сильнее. Мирека посещают совершенно безумные идеи. Например, в прошлую субботу, когда дядя Радек выдал нам карманные деньги, Мирек подошел ко мне в галерее и поинтересовался: «Ты что предпочитаешь — спустить бабки на яд или потратить их на большое приключение?» Я посмотрел на него с беспокойством, потому что уж точно не собирался покупать на свои деньги яд!

— Какой еще яд? — спросил я.

Мирек кивнул мне — мол, иди за мной — и спрятался за витриной со знаменем.

— Сахар — это белая смерть, — сказал он. — По телику передавали. Так что, если ты купишь себе конфеты,

это все равно как если бы ты купил яд, они ведь из сахара.

Конечно, я собирался идти за конфетами в магазин — тот, что за автобусной остановкой. А именно за тремя красными петушками на палочке, один из которых предназначался тете Йоле. Ну что ж, раз они ядовитые, значит, нельзя — ведь хотя я заинтересован в том, чтобы тетя Йола была как можно толще, но уж точно не хочу, чтобы она отравилась!

— Ага, — покивал я, потом задумчиво посмотрел на Мирека и осторожно спросил: — Большое приключение — это как? А то если ты снова собираешься купить бутылку подсолнечного масла и разлить на ступеньках, то я против.

— Нет! — возмутился Мирек. — Это было глупо. К тому же она даже не упала...

Она — это тетя Матильда, которой Мирек в прошлое воскресенье подстроил ловушку. В результате наказали всю нашу группу — вместо того, чтобы смотреть после обеда телевизор, мы отправились на кухню, где почистили, наверное, миллион килограммов картошки. Тетя Матильда, правда, поскользнулась на разлитом масле, но — к разочарованию Мирека — не упала, продемонстрировав невероятную ловкость. Мирек все видел, потому что подглядывал, спрятавшись под подоконником на лестничной клетке. Потом он сказал, что тетя Матильда спорхнула с этой лестницы, словно «чокнутая чечеточница». Пока мы чистили картошку, он все время смеялся, и мы ужасно злились, потому что он-то хоть развлекся, а нам досталось одно только наказание, да еще из-за него!

— Пойдем за «Людвигами», — заявил Мирек.

— За Людвигами? — изумленно переспросил я. — Какими еще Людвигами?

— Ну как какими? «Людвиг», жидкость для мытья посуды! Ты со мной или нет?

Я подумал и кивнул — мол, да, с ним, интересно же. Если бы я не согласился, он бы ничего мне не рассказал. Я понимал, что в результате нас всех наверняка накажут, а так хоть какое-то развлечение. Так что я отдал Миреку две трети моих карманных денег, он побежал в магазин, а потом, спрятав под рубашкой, принес в спальню три бутылки «Людвиг». Я очень долго не мог уснуть — все гадал, зачем Миреку столько жидкости для мытья посуды, но так ничего и не придумал и заснул. В воскресенье, сразу после завтрака, вместо того, чтобы идти вместе с остальными мальчишками на спортивную площадку, мы сбежали из «Молодого леса». Мирек повел меня на трамвайную остановку.

— Куда мы едем? — спросил я, когда подошел трамвай и Мирек встал со скамейки.

— В Хожов, — объяснил он, после чего щедро пообещал: — А потом я куплю нам мороженого. За свои деньги.

Я люблю Силезию, потому что города здесь расположены так близко друг к другу, что можно передвигаться на трамвае или на автобусе, словно это один большой город. И слава богу, иначе бы у нас возникли проблемы, потому что в Семяновице нет железнодорожной станции и в Хожов нам пришлось бы ехать на междугородном автобусе. Когда-то в Семяновице был вокзал, но десять с лишним лет назад его закрыли,

осталось только название улицы — Вокзальная, она ведет к парку Шахтеров, который рядом с металлургическим комбинатом «Единство». Здание, правда, тоже сохранилось, но оно пустует и превращается в руины. Вы не находите, что выражение «превращается в руины» — очень интересное и таинственное? Я услышал его по телевизору, и оно мне ужасно понравилось, так что я запомнил. Вещей у всех нас тут очень мало, так что я решил подмечать и коллекционировать всякие слова и определения — их множество, и это ничего не стоит, к тому же они не занимают места, ну и никто не стащит.

Ладно, вернемся к рассказу о Миреке и жидкости для мытья посуды «Людвиг». Мы сели в трамвай и — хоп! — мигом оказались в Хожове, который я знаю плохо, потому что был тут всего один раз. Мирек шел первым, я за ним, и минут через пятнадцать мы добрались до небольшой площади, посреди которой...

Ну а вы как думаете? Что было на этой площади и зачем Миреку три бутылки «Людвиг»? Догадались? Потому что я сообразил только тогда, когда его увидел. Только тогда я понял, что Мирек задумал.

— Ты с ума сошел! — сказал я, вытаращив глаза. — Нас из-за тебя в исправительный центр отправят!

— Никуда нас не отправят, не дрейфь, — пожал плечами Мирек и внимательно оглядел площадь. — Милиции нет, отлично. Держи.

Он потихоньку подал мне одну из зеленых бутылок, а две оставил себе.

— Подойдешь оттуда и присядешь на парапет. Запомни, бутылку держи пониже и не отставляй в сторону.

Так чтобы не было видно. Открутишь крышечку и выльешь, а потом делай ноги. Ясно?

Я взял эту бутылку, хотя сердце у меня прямо выскакивало из груди. С одной стороны, мне хотелось сбежать, с другой — было ужасно интересно, что получится. Я спрятал бутылку под рубашку, обошел площадь и уселся на бетонный парапет. Мирек сидел с другой стороны — мне было плохо видно, потому что его заслоняли брызги воды.

Вы уже догадались, что там было? Фонтан! Посреди площади стоял фонтан, из которого била высоченная струя воды, а потом опускалась вниз молочной лучезарной моросью. Ничего не скажешь, выглядело это очень красиво. Мирек подал мне знак, я быстро огляделся, открутил крышку, поднес бутылку к поверхности воды и перевернул. Черт, как же медленно лилась эта густая зеленая жидкость! Где-то неподалеку вдруг загудела машина, я испугался и уронил бутылку в воду, потом прыгнул с бетонного парапета и помчался куда глаза глядят. Мирек догнал меня в самом конце площади и схватил за рубашку.

— Михал! Да стой же ты! — Он дернул меня назад, и я чуть не упал, потому что он очень сильный.

— Бе-бе-бе-жим! — пробормотал я, потому что на нервной почве снова начал заикаться.

— Сейчас? Ты с ума сошел! Ведь сейчас начнется самое интересное! — Мирек покрутил пальцем у виска, сел на тротуар и обхватил руками покрытые ссадинами колени. — Садись, чего стоишь? Жарко.

— Н-н-но нас п-п-поймают!

— Кто нас поймает? Мы ничего не знаем, ничего не

сделали. Сидим себе, и все. Выходной день, вот и сидим, — заявил Мирек и стал всматриваться в фонтан. — Наверное, придется немного подождать, пока... О-о-о!!!

Я уставился на фонтан и вытаращил глаза. Струя поникла и била теперь неравномерно, как будто на фонтан напала икота. А потом началось!

Ух ты! Никогда в жизни такого не видел! В фонтане забулькало, и вместо воды вверх поднялась густая, переливающаяся всеми цветами радуги пена! Она выстрелила вверх широкой струей, расширявшейся на конце, словно зонтик или, скорее даже, атомный гриб.

Несколько недель назад к нам приезжал один дядя и показывал в комнате отдыха фильм про взрыв водородной бомбы и то, как надо себя вести, если начнется атомная война, — ну, там лечь ничком на пол у окна или под столом, прикрыть голову руками и так далее. Вот эта выстрелившая из фонтана пена выглядела точь-в-точь как атомный гриб! Только поменьше, конечно. В следующее мгновение пены стало больше, потом еще больше, она все густела, так что полностью поглотила гриб. Фонтан превратился в гигантский, все разбухавший пузырь лучезарного пуха, вскоре он выполз за бетонный парапет и теперь толстыми шматами выплескивался на брусчатку. Булькающая трепещущая гора пены была уже высотой добрых полтора метра. В мгновение ока она накрыла ограду, расставленные вокруг фонтана скамейки, добралась до газона и цветочных клумб. В окнах окрестных домов появились люди, кто-то закричал. Клумбы скрылись под клубами пены, которая подбиралась к фонарным

столбам у тротуаров, и тут вдали раздалось завывание пожарной машины.

— А теперь смываемся, — сказал Мирек, повернулся на пятках и зашагал к остановке.

Мы сидели в трамвае и молчали. Ни он ничего не сказал, ни я. Это просто невозможно было передать словами! Когда мы подъезжали к Семяновице, я спросил только:

— Как ты думаешь, это покажут в новостях?

— Очень может быть, — серьезно заявил Мирек, а потом мы вышли из трамвая и съели по мороженому из итальянского автомата.

К сожалению, я не знаю, показали ли наш фонтан в новостях, потому что нам не разрешают их смотреть — в восемь тридцать уже полагается быть в спальне, так что с половины восьмого до половины девятого мы умываемся. Старшие воспитанники ложатся позже и смотрят новости, но мы боялись их спрашивать — уж они бы сразу догадались, что без нас тут не обошлось. Позже я думал, не рассказать ли обо всем тете Йоле, но решил, что не стоит, поскольку не хотел ее волновать, и хотя меня немного мучили угрызения совести, но все же не настолько сильно, чтобы я нуждался в наказании. Впрочем, угрызения совести и сами по себе — наказание!

Но должен признать, что этот булькающий радужной пеной фонтан и то жаркое солнечное майское воскресенье относятся к числу самых классных и одновременно самых ужасных воспоминаний за всю мою жизнь. Тем более классных и ужасных, что никто никогда не узнал о том, что мы тогда натворили.

Глава 2

Вам уже много всего рассказал о ребятах из «Молодого леса» и о тех, кто там работает, и очень мало — о самом детском доме, а вам наверняка страшно интересно, как это место выглядит и как в нем живут, правда? Нет, я, конечно, шучу, потому что интересного тут мало — факт. Но я все же расскажу, только постараюсь покороче. Наверное, у большинства из вас есть мамочки, папочки и всякие родственники, а живете вы в многоэтажках или собственных домах, так что вам трудно себе представить, как это — жить в детском доме.

Вокруг главного здания — большая территория, она вся принадлежит нам. У нас есть спортивная площадка и задний двор — между домом и складом. Дальше сад и огород — весной, летом и осенью мы выращиваем там овощи. Сбоку склада — помойка и отдельный въезд, где останавливаются машины, которые привозят еду для столовой. Там же ставит свою красную «сирену» тетя Директор — она единственный владелец автомобиля, которого я знаю лично...

А, нет, простите, есть еще один! У дяди Радека имеется маленький «фиат», но он не очень часто на нем ездит — говорит, что не хватает терпения выстаивать очереди за бензином. Дядя Радек пользуется «фиатом» только во время отпуска и по воскресеньям.